

Глава 1

«ПРОСТОДУШНЫЙ»

Дреды у Дэвида Батиста седые, а тело ссохшееся, как ветви затвердевшего черного коралла, но кое-кто в Сент-Констансе еще помнит, каков он был в молодости и какую роль сыграл в той давней истории, случившейся в 1976 году, когда белые парни из Флориды приехали ловить в море марлина, а вытащили русалку.

Это случилось в апреле, с появлением в прибрежных водах мигрирующих кожистых черепах. Некоторые говорили, что русалка приплыла вместе с ними. Те, кто промышлял в открытом море, утверждали, что встречали ее и раньше. Но большинство соглашалось, что белым не видать такой добычи, не начни эта парочка строить друг другу глазки.

Утром у берегов Черной Раковины благодать. Дэвид Батист частенько выходил на промысел ни свет ни заря, стремясь обставить других рыбаков по королевской макрели и луциану. Он направлялся к острым скалам в миле от Погибельной бухты, захватив с собой привычное барахлишко: косяк с отличной местной травкой и гитару — ветхий раздолбанный инструмент, подарок кузена Найсера Кантри, на котором научился кое-как бренчать. Дэвид бросал якорь близ скал, закреплял руль, раскуривал косяк и перебирал струны, пока над горизонтом не показывался белый неоновый солнечный диск, медленно и царственно восходивший в серебристо-голубых небесах.

Дэвид наигрывал на гитаре и мурлыкал себе под нос, когда над серой гладью моря, еще не окрасившегося в ярко-бирюзовые тона, вдруг возникла голова, облепленная ракушками и опутанная зелеными водорослями. Это была русалка, которая как ни в чем не бывало всплыла на поверхность и некоторое время наблюдала за рыбаком, прежде чем он огляделся и заметил ее.

— Пресвятая мать божья! — воскликнул Дэвид.

В тот же миг русалка скрылась под водой. Рыбак мигом отложил гитару и присмотрелся. Еще не полностью рассвело. Он протер глаза, словно для того, чтобы лучше видеть.

— Эй! — прокричал Дэвид в сторону моря. — *Дуду!*¹ Вылезай. *Мами-Вата!*² Вылезай же!

Мужчина прижал руку к сердцу — оно чуть не выпрыгивало из груди. Живот скрутило от волнения и трепета, ведь он понял, кого ему довелось повстречать. Женщина. Вдали от берегов. Не черная, как негритянка. Не желтая китаезка и не златовласка из Амстердама. И не голубоватая, как эти чертовы рыбы. Она была краснокожая! Краснокожая, как индианка. По крайней мере, в верхней части тела. Дэвид успел разглядеть ее плечи, голову, груди и длинные, черные, похожие на веревки волосы, сплошь в красных водорослях, актиниях и раковинах. Настоящая морская женщина!

Рыбак некоторое время таращился на то место, куда она нырнула. С подозрением покосился

¹ *Дуду* (креольск.) — милая, дорогая. *Здесь и далее — примеч. перев.*

² *Мами-Вата* (Мать Вод) — дух воды в языческой афро-креольской мифологии.

на сигарету с травкой: не обкурился ли он уже с утра? Встряхнулся и уставился на море, ожидая, когда женщина покажется снова.

— Вернись! — снова крикнул Дэвид в серую пучину.

Он запомнил, что русалка держала голову высоко над волнами и как будто изучала его.

Дэвид терпеливо ждал. Но не дождался. В тот день русалка больше не показалась. Он уселся в своем ботике и вдруг ни с того ни с сего принялся лить слезы по матери. По Лавинии Батист, своей милой матери, деревенской булочнице, что скончалась меньше двух лет назад.

Позднее, ломая голову над своим приключением, Дэвид припоминал истории, слышанные в детстве, все эти байки о подводных существах, полулюдях-полурыбах — правда, не о русалках, а о морских мужах. Легенда гласила, что жили они в морской пучине и иногда выбирались на сушу, чтобы совокупляться с речными девами, — давнишнее поверье, еще колониальной поры. Старые рыбаки любили посудачить об этом в прибрежном кабачке, принадлежавшем Се-Се. Бывало, засиживались до ночи, опрокинув не один стаканчик и выкурив не один косяк. Байка — она байка и есть.

Стоял апрель — время, когда кожистые черепахи мигрируют на юг, в воды Черной Раковины. Продолжается сухой сезон, на холмах полыхают, словно фейерверки из бабочек, желтые и розовые пиувы³, и цветет бесстыжее огненное дерево. С той поры, как эта краснокожая показалась из волн и исчезла, будто дразня его, Дэвид страстно мечтал увидеть ее вновь. Он ощущал приятную грусть, нежившую его душу. И травка была совсем ни при чем. В тот день в нем вспыхнул огонь, о существовании которого он раньше не подозревал. Дэвид испытал острую щемящую боль прямо там, в пологой впадине между ребрами, в солнечном сплетении.

— Вернись же, — проговорил он ласково и учтиво, после того как слезы по матери высохли, а кожу на лице стянуло от соли. Вон оно как вышло: русалка поднялась из пучины и выбрала его, скромного рыбака. — Вернись же, дуду, — позвал Дэвид еще ласковее, приманивая ее.

Но воды не всколыхнулись.

Следующим утром Дэвид вновь отправился к острым скалам близ Погибельной бухты. Он

³ Другое название — муравьиное дерево.

просидел несколько часов, уставившись на морскую гладь, но так никого и не увидел. Причем на этот раз он ничего не курил. Назавтра все повторилось. И на третий день... Четыре дня рыбак ходил на своем ботике к скалам. Глушил мотор, бросал якорь и ждал.

Никому не обмолвившись об увиденном, Дэвид теперь обходил стороной кабачок Се-Се — владения своей добродушной говорливой тетки. Избегая кузенов и дружков из Сент-Констанса, он каждый вечер возвращался в маленький дом на холме, окруженный банановыми деревьями, — дом, построенный собственными руками, где жил со своим псом Харви.

Молодой рыбак был на грани срыва. Он старался пораньше ложиться, чтобы поскорее настало завтра. Ему необходимо было снова увидеть русалку, убедиться, что в прошлый раз глаза его не обманули. Надо было затушить пожар, разгоревшийся в сердце, унять лихорадку, терзавшую душу. Прежде Дэвид не испытывал ничего подобного, к смертной женщине уж точно.

А на пятый день, около шести часов утра, когда он тренькал на гитаре, напевая церковный гимн, русалка появилась опять.

На этот раз она плеснула рукой по воде и что-то прочирикала, как птичка. Дэвид ничем не выдал своего испуга, хотя у него засосало под ложечкой и кровь застыла в жилах. Жадно наблюдая за морской девой, он не смел шелохнуться. Она преспокойно лежала на воде у левого борта — с виду подумаешь, будто девушка на плоту. Вот только никакого плота под ней не было. Черноволосая, черноглазая русалка пытливно изучала рыбака. Она наклонила голову, и тут Дэвид сообразил, что взгляд ее направлен на гитару.

Медленно-медленно, чтобы вновь не спугнуть незнакомку, он взялся за инструмент и стал тихонько мурлыкать под перебор струн. Русалка плавала рядом, разглядывая рыбака и неспешно рассекая волны руками и мощным хвостом.

К Дэвиду ее привлекла музыка, а не звук мотора, хотя тот тоже был ей знаком. Музыка творит волшебство, песня живет в каждом земном создании — и в русалке тоже. Морская дева давно не слыхала музыки, может, с тысячу лет, и, не устояв, всплыла на поверхность.

В то утро Дэвид исполнял для нее сладкозвучные гимны во славу Господа, выученные им

еще в детстве. Он распевал священные псалмы, исторгавшие у него слезы. Так прошла их вторая встреча: вокруг плескалось море, а они смотрели друг на друга — молодой влажноглазый рыбак с острова Черной Раковины со старой гитарой в руках и русалка, приплывшая с течениями из кубинских вод, где некогда ее знали под именем Айкайя.

Я исчезла однажды ночью, в большую бурю,
давным-давно
с острова, где жил когда-то народ таино⁴,
и племена другие до него.
Очертаньями напоминая ящерицу,
лежал тот остров на севере архипелага
и в то же время на западе.
Я видела море,
видела его славу,
видела его силу,

⁴ Таино — индейские племена, населявшие острова Карибского региона еще до открытия Америки европейцами и к XVII веку, вероятно, полностью вымершие.

силу его власти.
Познала гнев его я и страданье.
Я проплывала по его бархатистому дну
мимо кораллов и подводных городов
и рядом с островами проплывала.
Там, у берегов, на мелководье
я видела играющих детей.
Я плавала с медлительным стальным каноэ.
Избороздила весь архипелаг.
Носилась я со стаею дельфинов
и с рыбным косяком
размером с человека,
ныряла в океанские глубины.
Была б я женщиной, недолго прожила бы.
Лет сорок? Муж и дети,
жизнь на суше, рождение и смерть...
А вместо этого я обретаюсь в море
уже тысячелетье, даже больше.
Проклятие коснулось не меня одной.
Нас вместе со старухой изгнали,
она исчезла той же ночью, что и я.
Прошло так много лет, что сбилась я со счета.
Лишь помню, как промчался ураган,
чтоб унести меня подальше,
а ноги мои слились в огромный хвост.

Дневник Дэвида Батиста, март 2015-го

Когда я замечаю первых кожистых черепах, неизменно ликую. Я знаю: она, моя русалка, скоро появится и тоже будет рада нашему свиданию. С приходом апреля я начинаю каждый вечер высматривать ее. Она всегда знала, где меня найти: у острых скал, где мы впервые встретились, в миле от Погибальной бухты. Там безлюдно даже теперь, ведь чертову рыбу всю повыловили. Я жду Айкайю больше половины своей проклятушей жизни. С той давней поры у меня было много женщин, всякого сорта — и подруга, и мать моего ребенка, и любовница, — но ни одна в подметки ей не годилась.

Она была особенная.

Я уже стар и очень-очень болен. Так болен, что с трудом переставляю ноги и больше не могу работать, не могу выходить в море, вот и записываю свою историю. Сажусь и выпиваю бутылку-другую, заливаю тоску, топлю в этой бутылке горести своего гребаного сердца. После урагана «Розамунда» жизнь пошла кувырком, ребята, все разметало к чертовой матери,

а потом, через год после нашего знакомства — да! — Айкайя вернулась.

После того как бедняжку выудили из моря и я забрал ее к себе, мисс Рэйн принялась учить ее говорить по-нашему. Порой, когда мы занимались любовью, у Айкайи вырывались незнакомые словечки. Это был древний язык ее народа, и она не слишком твердо его помнила. Давненько, стало быть, на нем не говорила. Мы с Айкайей, пока жили вместе, вызубрили на пару названия всех рыб из энциклопедии мисс Рэйн. Надо бы захватить книжку в ботик. Айкайе нравилось учиться, и она хотела знать по имени любую океанскую тварь. Я сам выучил половину имен — а ведь у каждой рыбы имеется к тому же латинское название. Так что теперь она — русалка, которая знает имена всех морских гадов на двух языках, а некоторых может назвать и на своем родном наречии.

Впервые заметив русалку, я здорово струхнул. Высовывается она из воды наполовину. Краснокожая, как индианка, вся покрытая чешуей и блестящая, словно отполированная. Откуда только нарисовалась, ребята? Я слышал, что-то плеснуло, а потом — *блямс!* Русалка тут как тут. До нее долетели гимны, которые

я распевал в тот день. Оказалось, ей пришлось по сердцу звук моего голоса, разносившийся над водой. Уже потом я узнал, что Айкайя приплыла к нашим берегам из кубинских вод. Лишь много позже она поведала мне свою странную историю, сказала, как ее зовут. Их вместе со старухой по имени Гуанайоа принесло течением. Помню, как Айкайя интересовалась энциклопедией. А ты, спросила, как называешься? И почему тебя нет на картинках?

Следующие несколько недель мы виделись чуть ли не каждый день. Русалка уже узнавала мой ботик по звуку мотора. Будто ждала. Я перестал мочиться в воду. Стал брать для этого старую канистру. Запасался терпением и часами сидел, дожидаясь русалку. Наконец в волнах мелькал большущий хвостовой плавник, огромный, как у черного дельфина. Внутри у меня теплело. Господи, ведь эта русалка мигот пробудила мою душу. Заставила сердце рваться из груди. А еще заронила во мне участие ко всякому зверью и рыбе, о которых мы ничегошеньки не знаем. До нашей встречи Айкайя бороздила моря в грусти и печали — так она говорила. Не знаю, как бедняжка выжила в этом огромном океане одна-одинешенька. Смелости

ей, видно, было не занимать, хотя меня она вначале побаивалась: мало ли что я удумаю, если поймаю ее. Мы с ней постоянно изучали друг друга взглядами, перед тем как она попалась американцам.

Однажды, еще при нашей первой встрече, русалка подплыла совсем близко к боту, и я сумел хорошенько ее рассмотреть. Головка гладкая-гладкая, изящная, глазки небольшие, черты мелкие. Айкайя походила на женщин из древнего племени таино, которых я видел в школьном учебнике истории. Лицо у нее было молодое, совсем некрасивое, и в этом я тоже углядел нечто древнее. На меня взирала девушка из глубины столетий. Я видел ее груди под тонким чешуйчатым покровом и перепончатые пальцы, опутанные саргассами. В волосах у нее тоже было полно водорослей, пряди черные-черные, длинные и кишат морскими гадами — ни дать ни взять корона из электрических проводов. Всякий раз, как русалка поднимала голову, волосы ее взвихрялись, будто в них застрял жгучий коралл.

А хвост! Бо-о-оже милосердный! Чего только не увидишь, особенно если живешь на природе, у моря.